

вспоряемъ съ святымъ пророкомъ Давидомъ :
 аще беззаконія назриши, Господи! кто по-
 сшоитъ ?

В.

IV.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К ъ Ч — в у .

Въ снранѣ, гдѣ я забыль иревоги прежнихъ лѣшь,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пуспынный мой сосѣдь,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недостаешь душѣ моей усшалою.
 Врагу спѣснисельныхъ условій и оковъ,
 Не шрудно было мнѣ опвыкнушь опъ пировъ,
 Гдѣ праздный умъ блесшилъ, шогда какъ серд-
 це дремлешь
 И правду пылкую приличій хладъ объемлешь.
 Оспавя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣль объ нихъ.
 Вздохнувъ, оспавиль я другія заблужденья,
 . . . . .
 И сѣши разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
 Для сердца новую вкушаю шишину.
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналь и шихій шрудъ и жажду размышлений.
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружень умъ.
 Учусь удерживашъ вниманье долгихъ думъ,
 Ищу вознаградишь въ обьящіяхъ свободы

Мятежной младостью упраченные годы
 И въ просвѣщеніи спашь съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыбнулись,
 Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
 Спаринный звукъ меня обрадовалъ — и вновь
 Пою мои мечшы: Природу и любовь,
 И дружбу вѣрную, и милые предметы,
 Плѣнившіе меня въ младенческія лѣты,
 Въ шѣ дни, когда еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботы, ни цѣли, ни сисшемъ,
 Я пѣнемъ оглашала пріюшь забавъ и лѣни,
 И Царскосельскія хранишельныя сѣни.

Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ни Музы, ни шруды, ни радости досуга,
 Ничто не замѣнитъ единшвеннаго друга!
 Ты былъ цѣлишелемъ моихъ душевныхъ силъ:
 О неизмѣнный другъ! тебѣ я посвятилъ
 И крапкѣй вѣкъ — уже испышанный судьбою,
 И чувства, можетъ бышь, спасенныя шобою.
 Ты сердце зналъ мое во цвѣшѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ пошомъ въ волненіи спрасшей
 Я шайно изнывала, спрадалецъ упомленный;
 Въ минушу гибели, надъ бездною разъяренной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой,
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая спрогимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ея совѣшомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣшь:
 Умѣлъ я презирашь, умѣя ненавидѣшь.

*

Что нужды было мнѣ въ шоржесшвенномъ судѣ
 . . . . .
 Глупца Философа, кошорый въ прежни лѣта
 Развращомъ изумилъ чешыре часши свѣша ,
 Но просвѣшивъ себя, загладилъ свой позоръ :
 Ошвыкнулъ ошъ вина и сшалъ картежный воръ?
 Орашоръ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ ,
 Мнѣ мало досаждалъ своимъ безвреднымъ лаемъ.
 Мнѣ ль было сѣшовашъ о шолкахъ шалуновъ
 О лепешаньѣ дамъ, Зоиловъ и глупцовъ ,
 И сплешней разбирашъ игривую зашѣю ,
 Когда гордился могъ я дружбою швоею ?
 Благодарю Боговъ! прешель я мрачный пушъ :
 Печали раннiя мою шѣснили грудь ,
 Къ печаламъ я привыкъ , расшелся я съ судьбою
 И жизнь перенесу споической душою.
 Одно желанiе: ошпанься ты со мной ;
 Небесь я не шомилъ молишвою другой :
 О скоро ли, мой другъ, настанешъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки ?
 Когда услышу я сердечный швой привѣшь ?
 Какъ обниму шебя!.... увижу кабинешъ ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечшашель ,
 И въшренной толпы безшрасшный наблюдашель.
 Приду , приду я вновь, мой милый домосѣдъ ,
 Съ шобою вспоминашъ бесѣды прежнихъ лѣшъ ,
 Младые вечера, пророческiе споры ,
 Знакомыхъ мершвецовъ живые приговоры ;
 Поспоримъ, перечшѣмъ, посудимъ, побранимъ ,
 И сшасшливъ буду я; но шолько ради Бога ,
 Гони ты * * * ошъ нашего порога!

Александръ Пушкинъ.

Кишеневъ. 20 Апрѣля 1821.